

АНДРЕЙ ВИНОГРАДОВ

**ТРУБАДУР И ТЕОДОР,
ИЛИ ДВЕ ДВЕСТИ ДО
БРЕМЕНА**

Андрей Георгиевич Виноградов

Трубадур и Теодоро, или Две двести до Бремена

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=46765859
Трубадур и Теодоро, или Две двести до Бремена:*

Аннотация

Живет себе на побережье Майорки наблюдательный человек по прозвищу Трубадур, в прошлом москвич. Живет и, в общем-то не тужит забавляясь в разношерстной компании, среди которой легко узнать персонажей «Бременских музыкантов». Он в меру попивает, в меру что-то пишет, в меру же тоскует и ностальгирует, хотя еще относительно молод, не забывает влюбляться... А потом в мир Трубадура врывается пес Теодоро, переживший на своем недолгом собачьем веку столько приключений, что их с лихвой хватило бы на несколько жизней. Хитрец, интриган, мореплаватель, неутомимый борец за личное счастье... Откуда свалился он на голову Трубадура? Причем тут сомалийские пираты, русская мафия, король российской эстрады и король Испании, сидящий за соседним столиком? И, наконец, каким образом у Гамлета оказался сын? Чтобы получить ответы на эти вопросы, надо непременно прочесть эту книжку – добрую, человеческую, местами забавную, местами печальную, но очень искреннюю историю, написанную чистым, живым языком,

причем так, что оторваться от чтения до самой последней страницы практически невозможно.

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	16
Глава третья	21
Глава четвертая	25
Глава пятая	32
Глава шестая	37
Глава седьмая	43
Глава восьмая	52
Глава девятая	63
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Андрей Виноградов

Трубадур и Теодоро, или Две двести до Бремена

*Внимание! В книге не часто, однако встречается
подцензурная лексика и намеки на вероятность
курения!*

Часть первая Сумасброд

Глава первая

Удивительный выдался вечер – стоит шагнуть из дома на террасу, как мир исчезает. Моргать, тереть глаза бесполезно, не видно ровным счетом ни-чего. Очертания близкого берега, и те не угадываются, только память подсказывает, где их искать. Память и слух.

Мир утратил вид, но не голос, слышно его по-прежнему хорошо: море пришептывает, собака лает издалека. Она отчаянно распугивает вселенское спокойствие, напрягаясь как заведенная.

Туман из облака-сугроба превратился в мелкую водяную взвесь, еще более непроницаемую, чем раньше. Эта субстанция окончательно отъединила Трубадура от белого света, превратившегося теперь в серую, со склонностью темнеть и дальше, бескрайнюю студенистую массу. Толкаться в этом мире-медузе у него не было ни желания, ни нужды.

Трубадур плотно зажмурился, зажал уши ладонями: «Темно, собака не так раздражает, но полностью маневр ее не заглушил. Плохо». Открыл глаза, убрал руки: «Сумерки, собака. Совсем ошалела, зараза. Да, вот еще море вернулось. Но общий знаменатель один... Он и должен быть один, раз общий... Собака. Как же ты меня задолбал, товарищ знаменатель!»

Трубадур покачивался в кресле, раздумывая, чем себя занять, коли уж так сложилось, что даже отвратительная погода не помогла вернуться к остывающей рукописи.

«Остывает она, видите ли. Да на ней уже трупные пятна. Молчишь? Ну да, какой с тебя спрос, с дохлятины. А мне что прикажешь делать?»

Из всех способов нокаутировать незадавшийся день только один покорял исключительной простотой и надежностью. С его помощью Трубадуру случалось и удачливые деньки штабелями укладывать. Бывало, что и недели, не сказать больше.

Резоннее, да и честнее, пожалуй, было задаться вопросом: чем бы заняться *еще*? Имея ввиду уже выпитое. Трубадур

оценил мысленный иск к деталям залихватским «Мужчину мелочность не красит!», но не отмахнулся от него, поберег. Он неспешно, вразвалку прошелся по реестру возможных менее значимых дел, но ни одном пункте его не торкнуло. И кофейный столик все еще был сервирован. Не кофе.

Благочестивый порыв не попал в парус. Вопреки законам природы, но не натуры, он обогнул его и раздал всего себя бесконечности.

«Ладно. Пусть будет что будет. Или идет как идет. Ситуация расстраивает, но не нервирует», – сформулировал свои ощущения Трубадур.

Единственное, что нервировало по-настоящему, – непрекращающийся собачий лай.

– У независимых, однако во всем прочем не лишенных человеческих слабостей наблюдателей складывается впечатление, будто кое-кто задался целью проверить жителей городка, подковой огибающего одну из самых живописных бухт испанской Майорки, на устойчивость к...

Трубадур негромко импровизировал вслух, подражая манере известного телеведущего. Он немного замялся, пожевал губу вместе с нарождавшимся продолжением и удовлетворенно продолжил.

– На устойчивость к внешним раздражителям лающего типа в зимний период. Возможно для того...

«А для чего? Выдох, вдох. Еще раз».

– Возможно, для того, чтобы позже сравнить полученные

данные с аналогичными замерами, произведенными ранее среди скотоводов центральной Монголии и московских полицейских.

Нескромным глотком Трубадур на треть облегчил хрустальную емкость, а вдогонку подумал, что майоркианцы – и он вместе с ними – бесспорно разделят компанию борцов за правопорядок: работать сил нет как неохота, а без денег черта лысого проживешь.

«Такой, можно сказать, разделенный девиз, он же вектор устремлений. Очевидный как факт, что чужой перегар похмелья не лечит».

– Товарищи ученые, не очень ученые и прочие исследователи! Выключите, умоляю, собаку! – обратился он строгим голосом к таинственным вредителям, сориентировавшись примерно, из какой точки может разноситься по бухте собачий лай.

«Бред, но в целом смешно», – мысленно похвалил он себя.

Собаку обращение Трубадура оставило равнодушной, она и не думала умолкать.

– Сейчас все допыю и примусь за составление жалобы!

Эта угроза тоже не возымела действия.

«Жаловаться будем... Кому же мы будем жаловаться? А вот кому! Трепещите, нарушители тишины! Жаловаться мы будем самому прокурору. Самому? Самому! Самому главному прокурору... Карзону. Вот какому прокурору мы будем жаловаться».

Трубадур был чрезвычайно доволен собой. Обычно с памятью на имена у него возникали почти неодолимые проблемы. Эта дерзкая слабость очертила круг его общения, оставляя проход как правило публике незаурядной, запоминающейся хотя бы манерой одеваться, на худой конец заиканием, и обладателей неизбитых имен – Элеонора, Аристарх, Глафира, Яков. Однажды в их числе непременно окажется Мудеслав (Мученикам демократии слава!).

Была среди них и Милада фон Топф, известная до недавнего времени как Людка Горшкова. Кстати сказать, с родным именем Трубадур тоже ее примечал, видимо, чувствовал потенциал.

Говоря по правде, из всех служителей испанской Фемиды никого другого, кроме Карзона, Трубадур не знал. Да и в этом случае сведения о прокуроре сводились к нескольким статьям о непримиримом и бескомпромиссном борце с русской как будто бы «мафией», а по сути – со всем и всяким русским в Испании. Как раз с «мафией» у прокурора выходило, похоже, не очень.

«Жаль, с двумя буквами в прокурорском имени промашка вышла. – Трубадур дважды с барским пренебрежением произнес вслух измененную под свой замысел фамилию прокурора. – А то ведь, могло стать, что прислуживал далекий прокурорский предок в парижских кабаках московским купцам. Или, того хуже, казакам. Кому хуже? Ну не казакам же! Казачки наши, со всем уважением, щедрыми были только на

оплеухи. Тогда бы узор сам собой сложился: мстит, мол, потомок, не догадываясь, что вся ярость в генах набухла. Со всем иной переплет. Вполне заслуживал бы моего понимания прокурор. А так... Ладно, все равно буквы не те. Или скрывает, шельмец».

Некоторое время Трубадур безуспешно охотился в памяти за фамилией актера, первым сыгравшего главного казака отечественного кино Григория Мелехова. Потом, через Карзона и фактурные мелеховские усы, припомнил совсем не местного, а очень даже советского прокурора – из собственного далекого прошлого. Близкого товарища отца. Вместе с родителем Трубадура они охотились: в годы войны – на немцев, потом – на лосей, кабанов, чаще на уток.

«Про дамочек из соседнего с дачей дома отдыха – ни-ни!»

Не так чтобы очень давно один хорошо знакомый Трубадуру демократический журналист-краевед добавил в список прокурорских трофеев «врача-вредителя», инженера, тоже «вредителя», борца с коммунизмом – фальшивомонетчика, двух диссидентов и автора довольно примитивного и скучного политического анекдота. По поводу сочинителя анекдота у Трубадура были большие сомнения. Прокурор обладал паразитическим чувством юмора, дай бог каждому, вряд ли он стал бы растрачивать себя на откровенную «кислятину».

Трубадур обожал, когда прокурор объявлялся в их доме – шумный, веселый, всегда с подарками... Только раз за все время он видел его опечаленным, можно сказать, угрюмым.

Причем настолько, что за менее дружеским столом, если не на поминки собрались, такое настроение сочли бы невежливым, а то и оскорбительным. На поминках, кстати, запросто могла бы потасовка выйти: ну не любят родственники усопших, когда кто-либо из посторонних скорбит по утрате больше их самих! Слишком разные темы мутью поднимаются в их опечаленных головах. И ни одной приличной. Понятное дело, чаще в такие нелепые ситуации попадают секретарши, ассистентки, аспирантки, просто женщины, живущие по соседству. Прокурорские работники – крайне редко. Даже если прокурорский работник и соседка – одно лицо. Они осмотрительны и не сентиментальны. Однако же, отцовский приятель.

Родители как могли развлекали гостя, но получилось не очень складно, так как обычно балагурил сам прокурор. Раздругой, между рюмками, он дежурно поулыбался отцовским шуткам, а потом... как швырнет в сердцах недоеденный огурец в стену, прямо над телевизором:

– Ну что за жизнь такая, ребята?! Копнешь – дерьмо! Сплошное дерьмо!

В то время Трубадуру было лет семь. Прокуроров, по малолетству, он еще не боялся, тем более своих – друзей семьи, и потому происшествие хоть и впечатлило его, однако не очень сильно. Подумаешь, расшумелся человек, с кем не бывает. Обычно в их спокойном, в общем-то, доме на повышенных тонах обращались только к нему – отпрыску. Слу-

чалось такое довольно часто и всегда по делу. (К последнему выводу, как это бывает, Трубадур пришел, когда родителей уже не было с живых, и каяться пришлось в одиночку.) Короче говоря, удивить пацана криками было трудно. Швыряние огурцами – другое дело. До этого случая ни члены семьи, ни их многочисленные знакомые не грешили подобным пренебрежением к гостеприимным стенам. Впрочем, экстравагантное новшество больше заинтересовало мальчика, чем шокировало. Трубадур уже прикинул, как здорово будет пулять огурцами в дощатый забор во дворе, и как далеко, с хрустом, будут разлетаться зеленые ошметки. Оставалось только найти источник «снарядов». Он сходу взял на заметку пару известных своей запасливостью жильцов. Как и номера их сараев. «Соленые даже лучше. От соленых брызги полетят... Чума!» А вот из слов прокурора он ничего нового для себя не вынес. Вместо сказанного «копнешь» мальчишка расслышал «какнешь» и был уверен, что не ослышался. Мама часто зажимала ему ладонями уши, когда прокурор бывал у них в гостях. Это не помогало, наоборот – ясно становилось, что именно надо запоминать.

Засыпая той ночью, Трубадур не сомневался, что на самом деле в его жизни все устроено точно так же, как и у прокурора: какнешь – дерьмо. Трубадур сказал бы: «говно», так было бы складнее и понятнее. Только кричать по этому поводу он точно не стал бы: кого удивишь? И бросаться чем попало куда ни попадя – тоже.

Рассудительность семилетнего Трубадура могла бы служить основанием для законной гордости – мало кому удается в детстве похвастаться этим качеством. Как, впрочем, и в юности. А если честно, то и в зрелости. Иными словами, вполне можно было бы позадирать нос, хотя бы слегка, но куда его задирать, если в нем сплошной насморк.

Обои пришлось переклеивать во всей гостиной, так как остаток «родного» рулона, извлеченный из кладовки, оказался слишком ярок, изрядно пылен и до обидного мал. Трубадур нюхал ласковый запах домашнего клея, сваренного в старой кухонной кастрюле, помогал родителям намазывать этот кисель на отмеренные куски обоев и одобрительно думал об огурце: бордовые в золотой ромбик стены ему нравились гораздо больше, чем пострадавшие бледно-желтые с розовыми кленовыми листьями. Девчачьи какие-то. Он елозил по бумаге малярной кистью, то и дело попадая коленками на мокрые участки, и памятно повторял в такт мазкам сказанные прокурором слова. Точнее, то, как он их услышал.

Так сложилось, что разница между «копнуть» и «какнуть» оказалась иллюзорной не только на слух: тайна одной профессии и обыденное явление в другой – его, Трубадура, будущем ремесле. К тому времени, когда он вспомнит эту историю, переоценит ее с философских высот, повеселится от души, живописуя курьез в первом своем рассказе, стены гостиной еще трижды поменяют свой цвет.

«Вот же, чертова псина, куда завела своим лаем. Опять

прокурора вспомнил. Еще и к ночи».

Надо сказать, слишком часто в последние дни настигала Трубадура прокурорская фраза, по-детски трогательно переиначенная без малого полвека назад. Вот и сейчас он отлично понимал, почему ему не работается, а зеленая папка с набросками – прямо тут, под рукой – ничего, кроме раздражения, не вызывает. «Прозекторская» – начертал он черным по зеленому и подумал, печально оглядывая сотворенное: «Констатация состоялась. Но это еще не конец. Кое-что можно разобрать на органы и однажды пристроить. И трупный яд порешит ростки новой жизни. Охренительно оптимистично. Браво. Все пустое: погода, собака... Черт, как хочется чуда. Пусть маленького. Чуд-ца».

– Могли бы уже и облагодетельствовать, гражданин товарищ Бог. Так сказать, за выслугу лет, – посетовал вслух и прислушался: «Грома нет, значит и молнии тоже не было. Лихой я парень. Трус немного, но и лихой тоже».

Трубадур перевел взгляд с обреченной рукописи на тусклую сорокаваттную лампочку, освещавшую (такова была ее легенда) дальний угол дома. Сквозь жидкий янтарь, скованный причудливо ограненным крутобоким сосудом, она выглядела ожившей и принаряженной.

– Жила была лампочка и вдруг стала солнышком. Вот тебе, друг мой, и чудо. Как заказывал. Чуд-цо. Ну что ж, и на том спасибо. За волшебников?

Настоящий кудесник по части отлынивания от насущных

забот Трубадур вежливо отсалютовал лампочке бокалом.

Глава вторая

Несмотря на бесконечную лень, литературная плесень чудесным образом размножалась в доме Трубадура с фантастической быстротой. Она пожирала любое изначально свободное или случайно освободившееся пространство: часть обеденного стола, полки в посудном шкафу, каминную доску... С каминной доски, случалось, после лаконичных прощаний и не очень цензурных напутствий творчество отправлялось приносить автору пусть кратковременную, но вполне реальную пользу.

– Еще как горят! – азартно восклицал Трубадур в такие моменты.

Иногда, в особенно холодные вечера, меня тоже приглашали участвовать. Я приносил стопку черновиков и молча завидовал хозяину: мои бумаги сторали заметно быстрее, словно пропитанные селитрой. Исписанные листы не скручивались, не корчились в агонии, но почти сразу же распадались на невесомые частички серого пепла и, как мне самому казалось, без задержки вылетали в трубу. Если где-то там, над трубой, обитал мой читатель, то терпение не было его сильной стороной. Утешения эта мысль отчего-то не приносила. Хотя, если вдуматься, вполне могла. Без этого ее и думать не стоило.

В целом же, очищение Трубадуrom каминной полки не

вносило осязаемых перемен ни в обстановку, ни в атмосферу его жилища. Если смотреть непредвзято, то именно бумажному и прочему хламу, сопутствующему человеку, определенно желающему казаться всем и себе самому творческой личностью, удавалось связать воедино частички пестрого, разностильного интерьера, доставшегося Трубадуру вместе с домом от предыдущего хозяина. Сам Трубадур, по большому счету, ничего особенного в этот дом не привнес. Если иметь в виду обстановку, не колорит. Разве что кресло-качалку, с первого дня получившее постоянную прописку на крытой, бог мой, нет. На «прикрытой» террасе. Но и то «неособенное», что оказалось перемещенным в эти стены вместе с Трубадуrom, временами начинало ему казаться лишним. Тогда наступало время «великого переукладывания» всего возможного с места на место.

Представление Трубадура о домашнем уюте сводилось к хаотичному расположению вещей, разнесенным по категориям: неизбежных для жизни, необязательных для нее и совсем уже лишних. Чаще всего он сам путался в этой классификации, признавая ее, особенно в дни «великого переукладывания», насквозь лицемерной. Десятки предметов, неоспоримо представлявших собой «бытовой мусор», героически оборонялись до конца бессмысленного по сути мероприятия и непременно выстаивали в этом ожесточенном бою хозяина с самим собой. Другие оказывались еще удачливее – стремительно и фактически без потерь прорывались

они вверх по выдуманной лестнице ценностей, брали ее целыми маршами и обретали в новом статусе гарантированную неприкосновенность. Минимум на полгода. Иногда на год.

Во времена Трубадунова детства – моего, кстати, тоже – мальчишек и девчонок одинаково завораживали картонные калейдоскопы, раскрашенные под синие колпаки мультяшных кудесников. Это было настоящее волшебство: смотришь в трубку с узкого конца – видишь один узор, сложенный из разноцветных стеклышек, чуть шевельнул рукой – поменялась картинка, а стеклышки те же... Лично я разломал никак не меньше десятка калейдоскопов, но так и не понял – как эта фигня работает. Зато осознал, что разбирать головой и руками – разные вещи. И профессии тоже. И еще: калейдоскопы придумала чертовски хитроумная сволочь.

Примерно таким же загадочным образом как в волшебной трубке одни и те же вещи перемещались вокруг Трубадура. Центр узора неизменно был зарезервирован для зубной щетки, бритвы, очков с плюсовыми диоптриями и кресла-качалки, накрытого любимым дедовским мохеровым пледом, точнее, останками пледа. Обо всем остальном Трубадур так и думал – «все остальное», но никогда не находил в себе достаточных сил, чтобы назвать это «все остальное» ненужным. Даже гитару, задуманную производителем как шестиструнка, однако неведомо сколько лет довольствующуюся четырьмя. Одна из оставшихся струн местами расплелась, будто в трауре распустила косы, и теперь не положенно, то есть

бесстыдно заигрывала белесыми стальными проплешинами с солнечными лучами. В свое время Трубадур неплохо исполнял под грустные переборы «Ой, да не вечер...», заочно соперничая с Бичевской, и обожаемую студентами-медиками заунывную песняровскую «Перепелочку». Переиначенная на профессиональный лад, она помогала вызубрить весь анатомический атлас. При словах «...А у пирапелки печень болеть...» на глаза общежитского вахтера обычно наворачивались слезы, он все про себя знал. Оба мы с Трубадуром завидовали медикам за умение во всем находить прикладной смысл.

Теперь инструмент был на вечной стоянке в углу гостиной, цепко держась за стену колками с отбитыми пластмассовыми наконечниками. Похоже, что и место, и статус реликвии гитару вполне устраивали.

Каждый раз во время «великого переключивания» хозяин говорил ей: «Надо бы свезти тебя в ремонт».

«Свисти-и-и...» – шепотком резонировал инструмент.

Или – подумаешь! – четыре сувенирных шахматных набора. Мы с Трубадуром играем в шахматы не реже одного раза в неделю. Правда, пользуемся при этом одной и той же доской. Старой деревянной с самыми простыми, незатейливыми фигурами. Но это вопрос вкуса, привычки. Настроения, наконец. Однажды оно вдруг переменится, а у нас все наготове! Можно, к примеру, выбрать литые фигурки, хотя лично я сомневаюсь: королева там, как бы помягче сказать,

слишком упитанная, со свиноподобным лицом – никакого уважения у китайцев к монархии. Вот неустановленный автор пластмассовых фигур, под слоновою кость, – тот с почетом отнесся к венценосным особам, но кони подкачали. Кони у него точь в точь морские коньки, обожравшиеся морским же овсом. Можно зайти с другой стороны: из четырех комплектов всегда можно составить один – сводный, как хор, – потакающий эстетическим воззрениям игроков. Это из Трубадура.

И наконец курительные трубки. Две дюжины изумительно ухоженных курительных трубок. Увы и ах, но по большей части Трубадуру они уже не принадлежат. Время от времени я отчуждаю их у него по одной в шахматных баталиях. При этом выигрыш никогда не забираю, кто бы еще знал – почему. Вообще, играть на курительные приборы – дело весьма рискованное: я ведь могу лишиться одной из своих личных драгоценностей от Альфреда Данхилла, аккуратненькой такой трубочки с маленькой белой точкой на мундштуке. Трубадур предпочитает именно ее видеть на кону. Мой приятель чертовски настойчив в своих надеждах. Знает, что для меня проигрыш будет значить куда больше его обычной досады: я курю, а он нет.

Глава третья

Куриль Трубадур бросил без всякого повода и тем более принуждения, просто решил попробовать и не передумал. Он так и не нашел ответ на вопрос, из каких таких продуктов в его организме одновременно выделилось столь колоссальное количество воли. Если бы знал, то украшал бы сейчас своими автографами стопки книг с рецептами поистине уникальной диеты.

По стечению обстоятельств, именно в это время от него ждали сдачи сценария для телефильма, но четыре витамина – «В», «О», «Л», «Я», – сложившись в кои-то веки в нужную комбинацию, сами для себя избрали приоритет. Ни увещевания, ни угрозы не в силах были отвлечь их от крестового похода на дым.

На беду, у работодателя Трубадура в то же самое время случился неконтролируемый выброс в кровь витаминов группы «х» – известных стимуляторов хамства. Причем, в таком непомерном количестве, что все предварительные наброски и сценарные наработки срочным порядком, фактически в одночасье оказались переданы другому автору. А «несправившегося» призвали незамедлительно возместить ущерб кассе.

– И-извольте вернуть э-эванс, – отчеканил в телефон работодатель, полагая, видимо, что именно так, на иностран-

ный манер, это слово должно звучать из начальственных уст. Нельзя также исключить, что прононс служил иезуитским напоминанием абоненту: сумма хоть начислялась в рублях, но по курсу к иностранной валюте. Следовало понимать – будут пересчитывать. К чему приведет пересчет, можно было не гадать. Доллар надменно взирал на согбенную спину рубля.

– Как пожелаете, – в тон работодателю ответил Трубадур, легко пережив мимолетный укол раскаяния: еще неделю назад «э-эванс» обустроился в ячейке памяти с биркой «БП», то есть «Было Приятно». Мало кто не знает, что «аванс», «зарплата», «гонорар», «отпускные», «командировочные», «выигрыш», «заначка» всегда ничтожны, а «проигрыш», «долги», «заначка, обнаруженная женой» невероятно огромны, просто астрономически велики.

Работодатель, похоже, относился к непосвященному меньшинству, а может быть, знал обо всем не хуже других, но был чужд цеховой солидарности.

«Если бы я добывал себе пропитание толкованием английских имен, – размышлял Трубадур, сиюминутно вдохновленный монологом работодателя, – то заявил бы вполне ответственно, что отношения обоих полов с людьми по имени Э-ванс всегда мимолетны, хотя и таят в себе немало очарования и утех».

«Или же вот так. Если бы мне суждено было жить бедной английской девушкой, я никогда не вышла бы замуж за бед-

ного человека с таким именем – Э-ванс», – продолжал он развлекать себя, пропуская мимо ушей рецепт нового блюда из небесных кар под соусом земных разочарований.

«А за Аванеса?» – подстрекательски выпытывал заинтригованный Трубадур у мифической бедной английской девушки.

– За богатого Аванеса – запросто! – отчеканила бедная английская девушка голосом Трубадура.

«Какая расчетливая стерва, – подумал он о собеседнице. – А может быть, наговаривает на себя? Врет, то есть? Ну и пусть врет. Все врут. Значит, расчетливая и лживая», – поставил он точку.

– Кто такой Аванес? – донесся заинтригованный и неожиданно помягчевший голос из трубки. – Это тот, что с Рубеном?»

Но Трубадур не счел нужным что-либо прояснять.

– Завтра все верну, – сказал он. – В десять тридцать. Максимум в десять тридцать пять. В вашем кабинете.

Как всякий литератор, Трубадур знал, насколько важны детали.

Теперь он придавливал трубками, в том числе и теми, что формально перешли в мою собственность, рыхлые стопки бумаг. У них есть имена: «Не вошедшее», «Не поместившееся», «Неуместное». Возможно, есть еще что-то ускользнувшее от моего внимания. Трубадур полагает – на мой взгляд, совершенно несправедливо, – что всю эту писанину нужно

свалить однажды в кучу и назвать макулатурную Джомолунгму в честь автора: «Недоделанное».

Трубадур любит протирать трубки. Их темные мундштуки лоснятся как спины рабов на тростниковых плантациях. Словно парфюмер он принюхивается к добротной обкурённой чашкам и при этом смешно – крыльями – раздувает тонкие ноздри, мечтательно прикрывает веки. И через раз с нескрываемой гордостью упрямо напоминает – как «все равно» рад был избавиться от вредной привычки. Обычно это «черно-белый» вариант: «Все равно я молодец!», но иногда героическое полотно подается в цвете.

– Знаешь, я ведь тебе, наверное, сто раз рассказывал. Но ты такой рассеянный. Никакой силы воли не хватит для двух подвигов одновременно. Ну дописал бы я этот идиотский сценарий. И что? Курил бы по-прежнему, как паровоз, все что дымит. Текстик так и так выходил сраненький, любой нормальный режиссер гнал бы меня пинками от Останкино до Химок, без остановок. По-любому с авансом вышел бы знатный скандалезо. А так, видишь, о здоровье собственном позаботился. Ну не молодец?

Скандал с авансом вышел, надо сказать, не шумный. Нечего было шуметь и не о чем, поздно. Просеивать содержимое мешка с самодовольством ради затесавшейся щепотки мнимой славы я не стал, сам приврать не чужд.

Глава четвертая

... Собачий лай, будто выпущенный из пращи камешек-невидимка, подскакивал на водной поверхности, одолевал немалое расстояние и, не растеряв ни скорости, ни силы, насквозь прошивал болью мирно дрейфующий в алкоголе мозг. Отдаваемые им команды час от часу становились все более сумбурными и разноречивыми. Трубадур заткнул уши указательными пальцами, но другим частям организма это действие пришлось не по вкусу – его затошнило, и какое-то время он вообще не реагировал на внешние раздражители. Возможно, так был изобретен метод тушения пожаров на скважинах взрывами.

Вопреки опасениям, организм, благодаря исключительной природной скупости, удержал все, что с невыносимой щедростью было в него залито. До капли. Щедрость, кстати, тоже была природной. Попытка осмыслить этот парадокс и отвлекла центр управления телом от задуманного, в определенный момент казавшегося неотвратимым. Неразличимые в тумане, но помещенные в него неутомимой зрительной памятью фрагменты пейзажа потихоньку замедлились в пародии вальса и, утомленные монотонным движением, замерли на условно привычных местах.

– Твою мать!

Трубадур вновь обрел нерадостную способность слышать

собаку.

Ему сильно захотелось крикнуть ей что-нибудь неприятное. Он открыл было рот, но в него тут же – случайной пулей – залетела какая-то живность. То ли муха, то ли мотылек, поди разбери. И оказалась мгновенно проглоченной в таком вот – «то-ли-то-ли» – неопознанном виде. Совершенно неожиданно для обоих.

– О как! – только и смог произнести Трубадур, подумав при этом, что у собаки, похоже, обнаружился не менее гнусный союзник. А у него хищнический инстинкт.

«С собой разберусь потом, а союзник – тот, гад, обнаружился и тут же пал жертвой... Назовем это ненаучно, зато по-умному: конвульсивным сглатыванием. А может, есть такая тема в науке? Звучит ничуть не тупее, чем консульское обслуживание. Такая наука точно есть, международные отношения называется. Короче, схарчил раб божий его же. Господи, убереги от промахов в пунктуации! Сдохнуть как я обнаглел! Я прощен, а? Прощен? Что значит: кто знает? Шутник. Каюсь, благодарствую, не повторю, устыжусь. На месте насекомого я бы, наверное, ждал, готовился к тому, что однажды меня прихлопнут, расплющат, отравят, попытают насмерть разрядами тока в голубой лампе. Я был бы главным насекомым пессимистом в живом мире. Надолго ли? Да, это вопрос, а не ответ. Хм. Но чтобы вот так запросто и беспардонно оказаться проглоченным? Нет, к такому исходу нельзя загодя подготовиться. Разве что ты от рождения –

кусочек сыра», – размышлял Трубадур, допуская, что с таким же успехом (он же – неудача, он же – печальный итог) можно было думать об урожденной колбасе, урожденном хлебе и вообще о всевозможной еде. Он чутко прислушивался к себе в ожидании, что внутри него сейчас зажужжит и станет понятно, как глубоко пришелец проник в организм. Неизвестность придумана для того, чтобы тяготить, но в роду Трубадура было два исследователя – творчества Тютчева и океанских глубин. Трубадур сдюжил. Он шумно прочистил горло, потом обильно сплюнул, надеясь таким образом выдворить нечисть в привычную для нее среду обитания. Однако фокус не удался.

«Как странно устроен человек. – Трубадур отстраненно, как на чужое, глядел на собственное колено и опадающий бугорок слюны. – Вроде бы рот и мозг находятся в голове, то есть в одном и том же месте, недалеко друг от друга, а команда «Выплюнь!» мало того что прошла с явным запаздыванием, так еще и этот постыдный, ужасный недолет».

Он вспомнил, как однажды на занятии по военной подготовке ему улыбнулось совершенно непередаваемым образом впечатать учебную гранату прямо под ноги отставному полковнику Младенко, по прозвищу Младенец. За две минуты мальчишки выучили с десятков новых словочетаний, а виновник разноса усвоил, что если ему «плевать на священный долг, то долгу на него – тоже плевать».

«Устами Младенца... – покачал головой Трубадур. – А

ведь сколько лет прошло. Всем на меня плевать, мне на всех. Мне самому на себя плевать. Так я и наплевал!»

Тут ему в голову пришла новая мысль: «Что, если прямо сейчас все те, кому на меня наплевать, возьмут и плюнут одновременно? И попадут?» Он подумал, что в этом случае обречен, и представил себе газетный заголовок: «Выходец из России заплеван насмерть!», – потом перевел эту фразу на английский, чтобы вообразить, как продавцы газет будут выкрикивать ее в лондонской подземке. Одна проблема – посетить Лондон потенциальной жертве не довелось, поэтому было неясно, принято ли в тамошнем метро торговать прессой.

«Должно быть, принято... – предположил Трубадур. – В конце концов, Англия – страна бесконечных традиций, – пришла ему на ум фраза из путеводителя или рекламы путевок. – Интересно, а есть ли у англичан традиция придушивать собак, если те без умолку, часами изводят людей однообразием исповедей, жалоб, капризов, настоятельных требований?»

– Эй вы там! – крикнул он в заходившуюся лаем темноту. – Сделайте уже что-нибудь со своей собакой! Если ей пригрозили кастрацией, то я ответственно отменяю экзекуцию. Пусть тешит плоть себе в удовольствие. Или я призову на помощь британский парламент со стариной Борисом, и они скопом отымеют вас всех!

Никаких перемен. Все осталось как было. По-видимому,

слухи о быстрых на язык, но в сущности неторопливых обитателях Вестминстерского дворца дошли и до здешней средиземноморской глухомани.

Трубадур принялся составлять фразу похлеще. Однако утомительная борьба организма с вторгшимся в него насекомым и сопутствующая напряженная умственная работа сделали свое дело: на попытке изъять из проекта речевки матерные слова он задремал. Последняя мысль Трубадура была адресована интервенту: «Жаль, что в пищевой цепочке я пропустил рыбу».

...С каждым шагом лес впереди становился все гуще, но Трубадур продолжал шагать, мстительно не оглядываясь. Собака осталась у него за спиной, на опушке, привязанная к чахлой осине. Саму собаку Трубадур не видел, однако точно знал, что она именно там. Какое-то время лай еще доносился до него, но вскоре утих, а затем и пропал совсем. Отчего-то ему стало жаль веревку, которая не позволила собаке бежать за ним. Не веревка – нарядный такой канатик, в ярко-красном нейлоновом чулке с желтыми крапинками, с мизинец толщиной, не больше. Неожиданно лай прорезался снова, и Трубадур подумал, что на самом деле он, не замечая того, в задумчивости сделал круг. Но тут деревья странным образом разомкнулись, будто распахнулся занавес из подвешенных к небу вековых сосен. Вот только вместо сцены открылось недоброе зимнее море. Трубадура качнуло резким порывом ветра. От неожиданности он сделал шаг назад и набы-

чился, чтобы воздушный кулак не запечатал легкие. В одночасье стало зябко и неуютно – настолько враждебными были темные тугие валы, опадавшие бесконечными тоннами на песчаный берег. Длинными голодными языками волны стремились дотянуться до подножия высокого обрыва, на котором стоял Трубадур, подавшись вперед и вытянув перед собой руки. Он словно оберегал от стихии идилию за спиной, подозревая, что защищать уже нечего – новый мир навсегда запечатал для него старый. Когда волне удавалась ее злая шалость, Трубадур чувствовал, как содрогается и проседает земля под ногами, но, как принято в снах, не мог двинуться с места, зачарованный неведомой властью. Вдалеке, почти на границе видимости, появлялась и исчезала верхушка алого паруса. Опять вернулась мысль о пестром канатике...

«Откуда он вообще взялся, этот чертов канатик? У меня такого никогда не было. И сейчас нет. Ни на лодке, ни дома. И при чем тут алый парус? Я же не Ассолью разгуливал во сне?!»

Немного поёрзав в кресле и тем самым ослабив объятия сна, Трубадур, все еще не до конца проснувшись, попытался ухватиться за промелькнувшую мысль – что за подсказки подсовывает ему подсознание, на что намекает?

«Только чур, перемену пола отмечаем сразу! Что еще?»

Правильные ответы тут же кинулись от него врассыпную, оставив на виду разменную мелочь:

«Ничего хорошего тебя, брат, не ждет».

«Старый знакомый», – ласково подумал о своем полусне Трубадур.

Однако на душе стало немного пакостно и чуть тревожно. Хорошо хоть не настолько, чтобы окончательно пробудиться и затолкать себя под холодный душ – смывать грозящие сбыться предчувствия; аморфные и липкие. Через несколько минут он опять глубоко и размеренно задышал, временами негромко, протяжно всхрапывая. Возможно, интересующие ответы все-таки покинули свои схроны и посетили его, но, как водится в глубоких снах, Трубадур тут же об этих встречах забыл, не успев ни порадоваться, ни погрустить.

Глава пятая

Трубадур хоть и предпочитал из соображений практичности моторные яхты, и даже владел одной – невеличкой, душа его, по обыкновению романтических морских душ, всегда тянулась к парусникам. Правда, его больше привлекали обводы, иными словами – дизайн, а не воспеваемое рьяными поклонниками парусов истинное единение с природой, переходящее время от времени в бескомпромиссное единоборство с ней же. Последнее обстоятельство, неизбежно сопутствующее любви к мореплаванию, категорически не нравилось Трубадуру вне зависимости от типа судов. Но не бахвалиться же собственными страхами! И любивший моряцкую браваду не меньше чем выпить, в редкие минуты самоедства Трубадур упрекал себя за фарисейство.

На мощной моторной лодке, справедливо считал он, больше шансов избежать встречи лицом к лицу со стихией. Трубадуру это не раз удавалось, и, судя по тому, что третьего дня мы болтали по телефону, – удастся по прежнему.

Людей, обожавших уютить под парусами зимние моря, Трубадур непривычно вежливо называл «безрассудными», поясняя удивленной публике:

– Если бы среди этих странных граждан не было моих близких друзей, которым я задолжал много-много денег, то не сомневайтесь – зваться бы им полными «ебанько» или

конченными мудаками. Но обстоятельства, увы, сильнее нас.

Рискну предположить, что этим друзьям Трубадура весьма скоро доведется узнать из его уст всю правду о себе, раз уж событие это напрямую связано с вероятностью урегулирования финансовых отношений. Надеюсь, что и со мной в ближайшие годы он будет сдержан и кроток. Как и положено с кредитором. Хотя романтика парусов никогда меня не увлекала, обошлось. Я вообще с детства побаиваюсь воды. Исключения делаю только для содовой.

– Под парусом в шторм... Это же форменный ад! Ни одному нормальному человеку не придет в голову туда соваться. Если, конечно, это не единственный и последний способ заработка. Спасатель, к примеру. А чтобы вот так, добровольно, да еще за немалые, скажу тебе, деньги... Лодки же не копеечные, совсем нет. Ты подстегни фантазию, представь себе: ветер молотит – кувалда, мать его, вселенская, волны черные, вспененные, злобные. Кто мать ветра? Мельница устроит? Ну да, все наоборот. Отстань, а?! Мачту снесло, корпус трещит, скрипит, будто зубы крошатся. Внутри задраенной, заблеванной каюты – пара особей, бесполох от ужаса. Цепляются за что только можно, головы берегут, надеются, что они им еще пригодятся... – Трубадур явно на что-то отвлекся, я решил было угадать и подумал про мотоциклистов, их шлемы, но поторопился. – Представил? Да, забыл про томик Бродского, чудом удержавшийся на полке. Не нравится Бродский? Хорошо, пусть будет Твардовский, ка-

кая разница! Прости. Это не тебе, это я Иосифу Александровичу. Офигительно романтично! Хочется воскликнуть: «Так держать!», – вспоминая детсадовского завхоза, который нас, мальчиков, учил писать стоя.

Каюсь, что я не совсем по-товарищески подверг цензуре экспрессивную речь Трубадура, однако, обладая толикой во-ображения, вы легко получите представление о его (и своем в том числе) запасе ненормативной лексики, удивительной кладовой суррогатов эмоций.

Кстати, у бушменов есть сказка «Сын ветра», изобилующая произносимыми именами, но суть не в них – там есть и мать ветра, и она тоже ветер.

Среди владельцев моторных яхт я, признаться, тоже встречал любителей романтического экстрима, но в общем и целом Трубадур был прав – эта публика все-таки посолиднее. Солидность вообще в контрах с экологичностью, мне так кажется. А может быть, все идет от моих приятелей из «Гринписа» с их неумной стрит-культурой в одежде и неразделенной верой в нашу общую обреченность. Правда, должен признать, зарабатывают они на своих «тараканах» неплохо. Словом, кто с дизелями и без парусов, те зиму не любят. Бывает, и они покидают причалы зимой, но пасутся в море исключительно днем, ненадолго и только в хорошую погоду. Иначе говоря, редко выходят, почти никогда.

В этом году все тем более стоят на приколе, такая прикольная нынче зима. У Трубадура на прошлой неделе треть

черепицы с крыши сдуло, как и не было, а прогноз обещал солнце и штиль. Трубадур бесновался:

– Какой прогноз?! Где он твой прогноз?! Вот и напиши, мудака, своим мудакам начальникам, что штиль сдул. Обычный для этих мест мудацкий штиль.

Впоследствии я так и не понял, купился ли страховой агент на обаяние моего приятеля, с наслаждением произносившего повторяющийся эпитет по-русски, или нет.

Все-таки хорошо, думал я, что Трубадур хоть кому-то не задолжал, а то ведь, неровен час, зачерствел бы душой, вынужденно пряча эмоции.

Вечером, когда стемнело, мы вдвоем изобразили на влажном песке фигуру, напоминавшую огромного неуклюжего Голема, на груди написали «Прогноз» и щедро помочились на надпись.

Говорят, что прогнозы к нашим нынешним бедам отношения не имеют, не могут они поспеть и не поспевают за переменами климата. Мол, всему виной глобальное потепление. Но Трубадур недоверчив. Во-первых, талдычат об этом те же метеорологи, что потчуют нас прогнозами с гнильцой, а во-вторых – Трубадур грешит на Хорхе, который не так давно перекладывал крышу на его доме. Похоже, на сопли черепицу крепил. Да еще красотка соседская Лусия гарцевала в зоне прямой видимости. Туда пойдет, назад вернется... Отвлекала, короче, и без того не самого способного и трудолюбивого парня. Хорошо еще, что у испанцев под черепицей

монолит из бетона, а то метался бы Трубадур с тазиками от одного водопада к другому в каждый дождь до самого лета.

Спрашиваю у Хорхе, когда он крышу приятелю начнет восстанавливать, сам я второй на очереди, а он говорит, что лучше выждать, пока всю черепицу сдует – «с края легче будет идти». Вот же осёл, прости Господи... Трубадур сразу сказал ему, что «идти» можно прямо сейчас и набросал примерный маршрут.

– Дебил криворукий, – оценил Трубадур уходящего Хорхе.

– The bill? – неожиданно обнаружил тот первичные признаки английского. – Завтра занесу.

– Не заносись, – урезонили его по-русски. Я урезонил, так как автор реплики про дебила слегка опешил:

– Вроде бы дурак дураком...

А Лусии Трубадур ничего не сказал. Ни слова упрека, ни даже намека. Та и в самом деле хороша, чертовка.

Глава шестая

Отец Лусии внешне похож на короля российской эстрады – такой же смуглый, большеглазый, сам весь большой, шумный и, что характерно, нерусский. Русской была мать де-вушки. Трубадур в жизни не видел ее, даже на фотографии, но безошибочно угадывал в дочери те неуловимые черточки без названий, которые всегда очаровывали его в соотечественницах, тем самым немало осложняя и без того непростую жизнь. Выспрашивать подробности у «короля Филиппа» (так Трубадур сразу же окрестил соседа) было неловко, собирать сплетни – унижительно. Однако, стоило Трубадуру при знакомстве упомянуть, откуда он родом, как улыбку ветром сдуло с лица испанца, следа не осталось.

«Похоже, не я один купился на это самое «неуловимое без названий»... Чую, не меньше моего ты вкусил, бедолага», – мысленно рассудил Трубадур, но искреннего сочувствия не испытал. Даже выжившие не испытывают искреннего сочувствия к павшим, а тут – оба, смотри-ка, в пролете. Так что Трубадур вполне простительно позлорадствовал: «Значит не везде и не во всем, что бы там ни утверждали расплодившиеся хулители, господствовала в советские времена политика двойных стандартов. По части баб, прямо скажем, все было очень даже честно: что своим, то и на экспорт. А посему – страдайте теперь, сраные подслеповатые сеньоры, в свое

иностранным удовольствием. Так то!»

По правде говоря, Трубадур с первого дня удивительным образом расположился к соседу. Догадывался, понимал, что «привез» он в свою жизнь, покатавшись на «русских» горках. Чувствовал: схожих тягот было – хоть отбавляй. А вот тот, в свою очередь, отнюдь не спешил растрчивать себя на встречное дружелюбие.

На самом деле, у «короля Филиппа», конечно же, было другое имя. Звали его Мигелем, но Трубадур обещал себе вспомнить об имени, данном соседу родителями, не раньше, чем на испанский трон сядет нынешний молодой наследник. Исключительно из политкорректности. Не должно быть в Испании двух «королей Филиппов».

Мигелем тогдашний «король Филипп» станет довольно скоро, но и батюшка его, до недавнего времени царствовавший монарх Хуан Карлос I, не утратит с выходом в тираж своего обаяния. По-прежнему симпатичнейший человек. Мы как-то обедали в одном ресторане, сидели практически за соседними столиками. В Испании, особенно на Майорке, такое нередко случается, надо только места знать.

К слову, Мигелем сосед Трубадура пробудет по-честному часа два. Согласитесь, достаточный срок, чтобы считать себя свободным от опрометчивых обещаний. В самом деле, привыкли уже: «король Филипп», да «король Филипп». К тому же никто, кроме нас двоих, в эту преступную тайну не посвящен. И пошла она в жопу, политкорректность.

Прав ли был Трубадур в своих догадках по поводу предвзятого отношения «короля Филиппа» к выходцам из России, или какие другие причины будили в соседе подозрительность и настороженность, но только в первый год знакомства тот звал Трубадура в гости только из вежливости. Рассчитывал на понимание и непременный отказ под благовидным предлогом. На воспитанность и чувство такта, иными словами, рассчитывал. Зря. Наивный. Всякий раз ошибался. Обманывался, можно сказать. Трубадур хоть и не обременял «короля Филиппа» долгим присутствием, но местной традицией – приветствовать знакомых женщин поцелуями в обе щеки – наслаждался, на мой взгляд, до неприличия откровенно. Нельзя было при этом не заметить – и я замечал, – скрытую избирательность моего приятеля. Дам, отмеченных штрихами увядания, Трубадур не избегал, но и не сближался с ними, с почтением склоняя голову издалека. Лусия всегда была на таких вечеринках на правах хозяйки, иногда Трубадур притворялся забывчивым и здоровался с нею дважды, уходил тоже не сразу. Но это лишь в том случае, если «король Филипп» был чем-нибудь занят и не находился в непосредственной близости.

У самого Трубадура отец Лусии бывал много чаще. Заглядывал, чтобы выпить с соседом по стопке. А заодно, вроде бы ненароком, прогуливался по дому, заглядывал во все укромные уголки. Начинал обычно со спальни, в которой, наверное, ориентировался не хуже, чем в своей собственной.

В дни таких спонтанных визитов нетрудно было догадаться, что Лусия припозднилась, а батюшка «переживают и нервничают». Иногда Трубадур находил предлог, чтобы облегчить ему задачу «случайного» путешествия по жилищу, но чаще наоборот – заставлял помучиться, подолгу не отпуская с террасы. При этом двери в спальню нарочно были закрыты, а неплотно сведенные ставни временами поскрипывали, создавая иллюзию, будто в комнате кто-то неловко прячется. Трубадур как-то рассказал, что неделю провозился со ставнями, поливая петли соленой водой, дабы ржавчиной прихватило, иначе никак скрипеть не хотели. Когда старания увенчались успехом – радовался, как ребенок.

А еще он грозился купить не сегодня завтра и затащить в спальню самый большой, какой найдется, шкаф или сундук.
– Лучше сундук. Громадный такой сундук. Снаружи навесить замок амбарный, внутрь запустить тудягу ежика. Только представь. Тук-тук-тук... Доча, это ты?!

По правде говоря, мне казалось странным, что «король Филипп» видит в Трубадуре угрозу для своей очаровательной и бесконечно юной дочери. С другой стороны, я не мог не признать, что моему самолюбию, окажись я на месте приятеля, эти отцовские тревобления польстили бы сверх всякой меры.

У меня тоже наличествуют соседи с дочерью на выданье, но нервы у них – не чета «королевским». Или я так очевидно добропорядочен? Мне нравится ход своих мыслей. «Должно

быть, мой облик источает скромное благородство, в нем легко прочитывается подчеркнутое неприятие фатальных решений. Гениально». Трубадур бы на это сказал: «Ты насквозь провонял лестью».

Было время, когда русский сосед проходил по разделу экзотики. Возможно, оно еще не закончилось – мне ли об этом знать. Чтобы развеять печальные мифы, я счел за благо пригласить ближайших соседей на чай с винцом. Выпить, закутить, поболтать. С последним вышла промашка: я «тупил» по-испански, соседская дочка «тупила» в ответ по-английски, остальные гости тупо наблюдали за тем как мы «тупим» и что-то «тупили» обо мне на островном, майоркианском.

В Италии девушку звали бы Джульетта. На родном для нее испанском имя звучало как Хулиета. Вот так. Все разрешилось само собой. При знакомстве я сразу подумал испорчено: «Удивительно говорящее имя. В самом деле, почему именно эта?» И еще предсказал, неплохо зная себя, то есть все наперед, что вопрос, постучавшись однажды, рано или поздно начнет посещать меня с навязчивой регулярностью. Уже без стука. Кто подпишется на такие трудности.

Скрывать не стану, Лусия мила, умна, хороша собой... И тем не менее – слабоват повод позволять какому-то замшелому ревнивцу шастать по своему дому. Ну да, дом не мой. Так я и не лезу.

Как-то я заметил Трубадуру, просто к слову пришлось, что в нашем возрасте о принцессах пора забыть, нынешний

наш удел – королевы-матери, и это хорошая карта. Впрочем, есть еще недокучливая и благодарная прислуга. В ответ Трубадур широко улыбнулся и ободряюще похлопал меня по плечу:

– Отлично сказано. Недокучливая... Это я у тебя, пожалуй, стащу.

Черт бы побрал эти маленькие городки! Все всё знают, сплетник на сплетнике, деревня.

Обычно Трубадур с «королем Филиппом» выпивали, подолгу обсуждая рыбалку. Когда рыба кончалась, принимались нещадно ругать туристов и чуть более осмотрительно – городские власти. Но никогда, по молчаливому соглашению, не выходили за рамки нейтральных тем, и уж тем более не посвящали друг друга в свои мысли и тайны. Так и должно быть, если не нужны лишние проблемы с соседями. Особенно – с мучимыми ревностью отцами хорошеньких дочерей. А может быть, это испанское своеобразие. Если так, то оно к себе очень располагает. Когда-то, давным-давно, я весьма дипломатично завел с очередным соискателем лавров теста «шарманку» про подлёдный лов, а он мне на это: «Ты давай со свадьбой поскорее определяйся, рыбачок, а до свадьбы... чтобы мормышку свою в чехле держал. Не то узлом завяжу».

Глава седьмая

Трубадур голову бы прозакладывал, что «короля Филиппа» собачий лай изводит не меньше, чем его самого. Больше того, наверняка заставляет нервничать сильнее обычного. Дело в том, что Лусия подрядилась после работы выгуливать за небольшую плату двух кокер-спаниелей одной пожилой англичанки. Теперь, если случается припоздниться, она с удобством ссылается на их бесшабашный нрав и неукротимую тягу резвиться до бессилия. Похоже, «король Филипп» с его искривленным конспирологией взглядом на мир не слишком всему этому верит. Мы с Трубадуром, прогуливаясь по набережной, дважды заставляли его за беседой с местными авторитетами из собачников.

Лишь подозрительность «короля Филиппа» помешала мне вступить за Лусию. Я бы мог подтвердить, что кокеры – факт записные сумасброды. Как раз на днях безделье, выдаваемое за «дела», привело меня в один из портов островной столицы. Боязнь воды и любовь поглазеть на красивые лодки прекрасно уживаются в одном теле. Там, в порту, мне и довелось стать свидетелем бенефиса одного четвероногого шалопа. Воспользовавшись замешательством хозяйки, он пулей влетел по трапу на палубу чужой яхты. Не просто яхты – целого парохода. А там полное безлюдье и. другая собака. Противоположного пола, как безотлагательно выясни-

лось. В общем, собачья свадьба состоялась без промедления, экспромтом, напористая и бескомпромиссная. По большой, как водится собачьей – с первого взгляда – любви. Даже бесстыжие аплодисменты случайных свидетелей, заглушившие причитания мечущейся по причалу растерянной барышни (люди за границей всякую чужую собственность уважают), ее не испортили. Я из вежливости не примкнул к овациям и предъявил барышне участливое лицо, не особо ему доверяя. Остаться на месте дольше не стоило – мальчишество и чревато разоблачением, я было повернулся, собираясь уйти, но барышня с отчаянием придержала меня за локоть:

– Что же теперь делать-то?

– Радоваться, мадам, – учтиво ответил я на предложенном языке и, присмотревшись к ней повнимательнее, добавил по-русски, надеясь, что не поймет:

– И о себе подумать.

Вот вспомнил сейчас и пожалел, что не поняла.

Когда бы я рассказал этот эпизод в компании своего приятеля и «короля Филиппа», то, вероятно, заслужил бы сомнительную похвалу Трубадура: «Спасибо тебе, старик. Очень убедительно, ко времени, а главное – в тему. Настоящий товарищ». Это при том, что история совершенно правдивая, отчего и кажется выдумкой. Я, помню, еще удивился, увидев довольно простенькую собаку на таком роскошном судне. А кокер нет. Возможно, у собак фаза удивления короче людской:

«Контакт?»

«Есть контакт!»

Ну как-то так. Про «От винта!» – это у летчиков.

По моим наблюдениям, палубная живность заметно чаще встречается на небольших парусных лодках. Там снобизма поменьше, не зашкаливает, палубные настилы внутри, как правило, тиковые – никаких ковров, все легко отчищается. Зато и животные попадаются весьма для морских вояжей экзотические. Как-то, слово за слово, совершенно случайно разговорились мы с пожилой четой из Новой Зеландии, совершавшей на парусной яхте кругосветное путешествие. Мечта, путь к которой пропахан глубоко и навечно отмечен морщинами, хохочущими над бессмысленностью и бесполезностью ботакса. Так у них на лодке жил гусь с ритуальным именем – Рождество. Они очень переживали, что птицу нещадно укачивает, на что списывали понос и пердеж. «Он от этого так сильно худеет, только посмотрите, какой он subtilный!» А то, что внутри лодки нужен противогаз, и смотреть я не мог, потому как вонь на слезу прошибала, – супруги вроде бы не замечали вовсе. Крепкий все же народ эти новозеландцы. Даже предположить боюсь, что бы придумал делать из них Маяковский. Но не исключая, что все те же гвозди. Не было в его время других, заслуженно несгибаемых материалов. Совесть и честь белой гвардии не в счет, о другой стороне говорим.

Я тактично успокоил путешественников с гусем: мол, до

декабря еще время есть, птица притерпится, войдет в форму, вес нужный наберет... И все будет хорошо. Самому Рождеству фраза «все будет хорошо» в моем исполнении не понравилась, не оценил. Он вытягивал в мою сторону облезлую, тощую шею и злобно шипел. Допускаю, что весь не пришелся ему по душе, не только мои слова. Хозяева гуся существенно уступали птице в проникательности и таланте разбираться в людях – они искренне благодарили меня за участие.

– Я же тебе говорила.

– Как все-таки здорово встретить разбирающегося человека.

«Не то слово», – мысленно, что отнюдь не принизило чувство благодарности, я подписался под сказанным.

– То есть, по-твоему, я не разбираюсь?!

– А можно подумать.

Все же для кругосветок я бы, взвалив на себя куда больше личных об этом познаний, но, что важно, кое что понимая в людях, я бы рекомендовал катамараны, где есть возможность разойтись по поплавкам.

«Брэк», – произнес я про себя и откланялся, провонявший свежее-перднувшим Рождеством и никем незамеченный.

Трубадур, чей еле тлеющий интерес к людским хлопотам и семейным коллизиям выделил из моей истории только гуся, ответил рассказом, как швартовался однажды по сосед-

ству со свиньей.

– Под голландским флагом, хамло. Дерьмо такое. Чуть до драки не дошло. Здоровенный и пьяный в мясо боров. Клянусь тебе, килограммов на сорок тяжелее меня! Поэтому до драки и не дошло, если по-честному. Убил бы, сука, на раз, а я стольким должен.

Понимаю, не моя забота, но ведь джентльмен, не отнимешь.

Я не отнял.

С чего бы сейчас Трубадуру воскрешать в памяти отвратительную стычку в фешенебельном, нашпигованном деньгами как плов рисом итальянском Портофино? Надо думать, ему славно было воображать себе хозяина собаки, надрывавшейся все это время фактически без передышки, тем самым боровом, что на сорок кило тяжелее. Ценно заметить, что на этот раз никакая разница в весе не удержал бы Трубадура от грубости и рукоприкладства.

Я заочно встал рядом с ним. Там-сям нам вышло килограмм тридцать в плюс. Пару рук я в расчет не принял, все одно держал бы их за спиной, так было бы честно – ведь суть в перевесе.

– Лучше бы кошек заводили... – проворчал Трубадур и, понятное дело, подумал о Гансе. Тот в это время года предпочитал мутить воды в Карибском бассейне.

«Как он там? Дошел ли, оторва, на своей скорлупе?»

Ганс – об этом одно удовольствие догадываться, – конеч-

но же немец. Думаю, именно с этой отчаянной проницательности брали старт карьеры современных провидцев, не сведущих, что есть такая страна – Австрия. Впрочем, они же не заблуждались! Ганс примерно в один год с Трубадуром обосновался в этих «медвежьих», по Майоркинским меркам, краях. Они случайно познакомились в порту, для начала шапочно, без брудершафта, позже их сплотило почтение к «торфяному» виски «Лагавулин». Душа Ганса ничего другого принимала, непатриотично отвергая отечественный шнапс и наоборот, то есть с приглядом к политике – чужеродную водку. «Лагавулин» Ганс понимал нейтрально, иногда как защиту, учитывая натовское происхождение и антибактериальные свойства спирта. Трубадур в выпивке был куда более многогранен: на патриотизм в данном оттенке жизни он откровенно плевал, что подчеркивал «Лагавулин», за столбивший место в тройке его фаворитов. Трубадур, спору нет, явно меньше заморочен чем Ганс. Это ни коим образом не портит их альянс.

Иногда Ганс – не сильно какой пьяница, школы нет, – созревает до раскаяния за деда, отбубнившего сапогам при каком-то там штабе Вермахта, Трубадур, напоминает себе, что один его дед был убит белофиннами, а второй прошел главную войну без царапины. Он не утрачивает привычного миролюбия и не ломает застолье.

Каждый год по осени Ганс переходит Атлантику. Один на стареньком, внешне непрезентабельном до сочувствия две-

надцатиметровом паруснике. За солнцем и потными от жары немками. К лету возвращается домой на испанский остров. Мне кажется, что за тем же. Как-то я рассказал ему про народ таино, издревле населявший карибские острова, и который якобы извели испанские колонизаторы. Тем же вечером он поклялся навсегда покинуть «проклятую во веки веков» землю кровожадных конкистадоров. И «море, из которого эти ублюдки ели, и в которое ссали». По утру, свезло парню, Ганс мало что помнил, а тем, кто как следует запомнил его, мы обещали проставиться. Во искупление.

Ганс долго допытывался, откуда у него синяк под глазом, но мы с Трубадуром были как три обезьяны вдвоем: ничего не видели, ничего не слышали, а болтать нас сам бог не велел. Фингал? Дверь на себя неудачно открыл. Ведь струна, а не человек – только тронь неудачно. Ведь если по-нормальному: где эти гребаные Карибы!

На борту у Ганса всегда две-три кошки. Он любит их за чистоплотность и неприхотливость. «Учить ничему особенному не надо – они ведь “сами по себе”, опять же компания. И молчат».

Имена своим кошкам Ганс не дает, решительно отказывается им в именах. Поначалу номера присваивал, потом и эту затею оставил. Не от лени, или не знания счета. Ха, уел немца. Посчитал, что так огорчений меньше:

– Сидишь после трехдневного шторма и ломаешь, убогий, голову: что за номер смыло? Печалишься опять же, не из бе-

тона отлит, а дел на лодке невпроворот, не до печали. Уж не говорю о том, что ежели по уму разобраться, то номера – те же имена. Только в цифре. Круто и созвучно времени получается. Но мы обойдемся без крутизны и созвучности. И без времени.

Ганс снял с руки нехитрые пластиковые часики и, смутив меня больше чем Трубадур – тот лучше его знает, – безжалостно раздавил их пяткой.

– Так лучше. Можно просто выбросить, но потом обязательно пойду искать. Уж я-то себя знаю.

Забавный парень. Не то слово.

Трубадур как-то попросил его покатать московских гостей, к нему летом целая толпа нагрянула. Привез компанию на пристань, стал знакомить с Гансом, а тот говорит:

– Что ты меня именами мучаешь?! Я все равно не запомню. Даже пересчитывать их не стану. На лодке у меня, сам знаешь, всего два спасжилета. Один – мой, вон он. Где второй – не знаю. Скажи лучше, пусть обувь снимают и по одному поднимаются на борт.

Две москвички остались на берегу – видимо, понимали испанский, даже жестяной, колючий немецкий акцент не помешал проникнуться отношением.

Ветер в тот день раздувал нешуточную волну, красил белым ее хохолки; дурачился. Все время, пока столичная братия осваивала прибрежные воды, делясь впечатлениями между собой и остатками завтрака – с рыбами, Трубадур на

берегу заметно волновался. При этом отлично понимал, что беспокойство его глупо, бессмысленно. В душе он не сомневался, что байки про кошек, потерянных в океане – они байки и есть. Может, сам Ганс их выдумал, с него станется, или услышал от кого – морякам только дай жути нагнать друг на друга до оторопи.

Москвичи вернулись из прогулки по морю все как один. «Лишней» пары обуви на причале не осталось. Босых среди гостей изначально не было, Трубадур бы запомнил.

Глава восьмая

Уже месяц, как в бухту не заходила ни одна «случайная» лодка.

Простенькие, неухоженные суденышки местных жителей дожидались сезона под городской набережной, гордо именуемой променадом, в бетонных боксах, прикрытых навешанными вкривь и вкось разномастными воротцами. С воды променад походил на заброшенную конюшню для маленьких пони. Летом можно было забраться в чужой незапертый бокс и валяться в чужой опять же лодке, окутанным теплым гниловатым духом дерева, рыбы и водорослей. Временами подремывать, временами наблюдать из глубокой тени за потным шевелением пляжа. Даже прибрежный бульон из лосьонов «для», «от» и «вместо» загара казался отсюда мятной прохладой. Неизменно отвратительными оставались лишь толстые животы разноязыких тинейджерлиц с пупками, пробитыми пирсингом. Эти самые металлические колечки – не важно, какую часть тела они пронзали, – Трубадур метко сравнивал с чекой у гранаты:

– Если потянуть резко и сильно, то чека непременно выскочит, и тушка взорвется на х...! Или обосрется, как минимум.

Еще три дюжины деревянных посуды нынче были в беспорядке разбросаны по берегу. С мечтой вернуться ко-

гда-нибудь в лучшие времена они подставляли дождю позеленевшие и потрескавшиеся бока, шершавые от налипших ракушек, и шевелили лохмотьями отставшей краски.

Лодки покрупнее – с десяток, не больше – зимовали «на привязи» возле буйков. Сверху они покрывались белым соленым налетом, а понизу обрастали густыми зелеными бородами, в которых легко могла укрываться стайка карликовых русалок или парочка особей нормальной, то есть человеческой комплекции.

Лишь одно судно, привязанное к буйку было обитаемым на постоянной основе. Парусник. На глазок метров двенадцати. Явная самоделка – неуклюжий, будто сваренный автогеном из небрежно раскроенного листового железа, швы неровные – чистой воды шрамы. Вдоль бортов лодки красовались выцветшие разнокалиберные спасательные круги с затертыми надписями и такое количество похожих на дреды пестрых канатов, что хватило бы на «Крузенштерн» со всеми его парусами и мачтами. Еще бы и нам с Трубадуром осталось по два-три метра – повеситься от тоски: всю неделю подряд – ветер и дождь, а теперь вот, извольте, туман...

На корме, закрывая большую часть шипучего, как газировка, названия, грустно свисал намокший польский флаг, размерами напоминавший о вечно уязвленном самолюбии восточного европейца.

Если в обеденное время не было дождя, то единственный обитатель диковинного судна в обязательном порядке появ-

лялся на палубе со скатанным в рулон матрасом. Он расстилал его всякий раз с осторожностью и таким благоговением, с каким, наверное, потомственные часовщики раскатывают в Базеле на рабочих столах замшевые чехольчики с миниатюрными хитроумными и изящными инструментами – достоянием четырех или пяти поколений династии. Внутри матраца неизменно обнаруживался огромных размеров бинокль.

Трубадур был совершенно уверен, что, несмотря на очевидное нежное обращение, бинокль так же стар, помят и потерт, как его владелец. Сам же обладатель заслуженной оптики коротал время за увлеченным и бесцеремонным изучением то ли редких посетителей прибрежных кафе, то ли содержимого их тарелок. Возможно, он был автором гипотезы, по которой еда должна походить на едока не меньше, чем собака на своего хозяина, и проверял в нашем городке справедливость предположений.

Появление на палубе фигуры с биноклем принималось публикой, мягко говоря, неоднозначно. Испанцы, к примеру, шумно радовались, тыкали в сторону лодки пальцами, привлекая внимание детей, вместе с ними смеялись и громко приветствовали поляка. Тот, в свою очередь, традиционно сохранял завидную невозмутимость, даже отстраненность. В Бологом или Воронеже его точно побили бы за показное высокомерие или, на худой конец, за гибель Тараса Бульбы.

Иногда местная публика с хохотом принималась фотографировать грузную фигуру в несвежей майке, натянутой по-

верх свитера, по всей видимости, для того, чтобы удержать шерстяной раритет от распада на отдельные нити. Бестактность вообще смущает испанцев не больше, чем нас с Трубадуром – пьянство. Они, как и мы, без уговоров легко подхватывают инициативу, а дальше – только держись. Признаться, я еще не встречал страны, где жители так мало походили бы на героев собственной литературы. Классической, разумеется, литературы – с современной, кроме Артуро Перес-Реверте да Карлоса Руиса Сафона я, пожалуй, и не знаком. Где они, черт побери, эти величавые, неприступные гранды? Высокомерные и чопорные, как сталинские высоты, без которых московский пейзаж стал бы унылым, однообразным и совсем немосковским. Похоже, что растасованы они по каким-то хитрым колодам, из которых лично мне никогда не сдают. Или я не то читал? Или живу в неправильном месте? Наверное, все так и есть – мои проблемы.

Кого поляк по-настоящему, всерьез раздражал, так это англичан и немцев, коих на Майорке проживает превеликое множество. Видимо, от каждого поселившегося в Соединенном Королевстве русского сбегает в среднем по два десятка британцев. И все как один на Майорку. Сказывается привычка к островному быту. Это я так, к слову.

В сезон в нашем городке надо основательно побродить, чтобы услышать на улицах испанскую речь, но и зимой, особенно в выходные, набережную затопляют монотонное бормотание англичан и гортанная немецкая переключка. Как

шутит Трубадур: «Пинта Гиннесса, и выходи строиться!»

Заезжих местные называют между собой «адвенедизо», то есть приبلудными. Зато «своих» иностранцев, надолго обосновавшихся в городке, почти всех привечают по именам или прозвищам.

Именно «приبلудные» высказывались в адрес навязчивого наблюдателя особенно недружелюбно и совершенно, надо сказать, не заботясь о лексике. Но слова – это полная ерунда по сравнению с тем, как отличился гостивший у Трубадура приятель, малоизвестный в узких кругах живописец из московских армян. Он поставил на набережной развернутый к морю мольберт и водрузил на него холст на подрамнике два метра на полтора, весьма авангардно раскрашенный в слово «Чуйло». Наверное, впервые писал латиницей и набедокурил с первой буквой, даже я не сразу понял задумку.

Автор антипольского выпада великодушно пояснил мне, серости средиземноморской, что хамство, как всякий род человеческой деятельности, нуждается в собственной эстетике. Обретая ее, оно становится самостоятельным предметом творчества. Заумь вселенская.

Впрочем, о «хамском творчестве», как и «творческом хамстве», я, положим, знал и без него, а вот то, что у Гамлета есть потомство, стало для меня полным откровением. Художник сообщил кому-то по телефону, что «у сына Гамлета проблем выше крыши, больше, чем у отца». Пока я лениво вуживал из собственной памяти все, что знал об «отцов-

ских» проблемах, порыв ветра легко подхватил масштабное полотно, и оно, совершив в воздухе несколько почти идеальных фигур высшего пилотажа, неряшливо приземлилось на проезжую часть, пометив острым углом дверь припаркованного автомобиля. Владелец пострадавшего авто, обедавший в ресторане через дорогу, был не в курсе эстетики хамства. Он вел себя прямолинейно и грубо до тех пор, пока не получил полотно в подарок, десятку евро для мальчишки, взявшегося с помощью вилки освободить шедевр от подрамника, и две монеты за вилку – для хозяина кафе. Никто из нас, разумеется, не удосужился посвятить нового владельца шедевра в его содержание и перевод. Учитывая безграмотность в написании, сделать это вообще не представлялось возможным. Да оно и к лучшему.

– Ох... енная инсталляция! Самому, мозг вывернешь, такого никогда не придумать! Только жизнь, только она может эдакое захреначить! – неумеренно восторгался художник и яростно колотил кулаком в раскрытую ладонь. – Так нас всех! Так!

Все-таки современные живописцы очень непростые ребята.

– Эй, черножопый! – широко улыбаясь крикнул творец через улицу таксисту. И Трубадуру: – Я в Пальму сметаюсь? Надо остыть. Ты как? Тогда бывай, до вечера.

– Оно сказал чьерножопи? – поинтересовались у меня по-английски из-за соседнего столика. – Он ведь русский? Та-

кая экспрессия!

– В какой-то степени, – уклончиво сказал я.

– А вы русские.

– Мы – да.

– У вас так таксистов подзывают? У нас в Лондоне достаточно поднять руку.

– У нас тоже по-разному, но можно и так, – включился в разговор Трубадур. – А вам зачем? В Россию собираетесь?

– В Москву.

– Важное уточнение.

– На следующей неделе. Вы позволите, я сейчас в телефон запишу. Чьерно.

– жопый, – бессовестно завершил Трубадур.

– Заметь, – нацелил он на меня указательный палец, – раньше в телефоны записывали имена и номера. Это будет имя.

Я в пух и прах мысленно изругал нас обоих за безжалостность, но повиниться перед ошельмованным англичанином сил в себе не нашел.

– Да ладно тебе, моралист, не страдай. Повезет, так еще и в новости мужик попадет. Дармовое паблисити, – смахнул со стола тонкие материи Трубадур. – И вообще, это ему за Солсбери. За то, что я теперь знаю, где этот гребанный Солсбери. А оно мне надо? Как коту свечи от геморроя. Совершенно чужая страна, ни разу не моя. Солсбери.

Что на это сказать? Патриот, черт его побери.

– Крым наш, – отозвался я на пароль.

Конечно, любой из посетителей прибрежных заведений испанского общепита мог постараться не замечать поляка. Развернуться, например, к морю спиной и продолжать в удовольствие трапезу. Но зачем тогда, спрашивается, приезжать на ланч в гавань, где только морской пейзаж и воздух способны отвлечь от сомнительной чистоты столовых приборов и прочей ерунды вроде бокалов со сколами по краям.

В один день-дебил я порезал таким бокалом губу и попросил официанта заменить порченую емкость вместе с содержимым. Мне безропотно подали новый бокал, калибром с небольшую вазу, и слегка початую бутылку того, что я до этого употреблял. Вне всяких сомнений это было что-то крепкое и дорогое, конкретнее не скажу. Выпивку, а ее я не пощадил, чудесным образом заведение взяло на себя, вместо этого пришлось заплатить мелочью за «испорченный» бокал. Будто я его сам и погрыз. К справедливости я взывать не стал, испанцы этого не любят, а я люблю их. В тот момент, учитывая масштаб сэкономленного, и вовсе обожал.

Поляк в самом деле стоически не замечал доносившуюся с берега брань, проявляя устойчивое безразличие ко всей этой чужеродной ненормативности. Сомневаться в том, что его не хвалят, не приходилось. Не было нужды и гадать, долетают ли недобрые слова до лодки под бело-красным флагом с птицей, распластанной так, словно ей не хватило тормозного пути. Впрочем, на всех флагах пернатые – со своими

причудами... Назойливый наблюдатель за береговой жизнью опускал бинокль не раньше, чем обретал одному ему ведомое знание. Он мог подолгу стоять, держа огромный оптический прибор на весу. Иногда, особенно в качку, он все же переводил свое тело в положение «лёжа», уперев в палубу пошире расставленные локти, чтобы картинка в окулярах оставалась стабильной. Задница его замирала вздувшимся тертым джинсовым пузырем, а спина вздымалась на вдохах и опадала на выдохах основательно и регулярно.

Трубадур был уверен, что стоит поляку набрать еще парочку килограммов веса, а при его образе жизни это проще простого, – как вся телесная конструкция, задуманная для горизонтального положения, приподнимется в области пуза, потеряет устойчивость, и ему придется что-нибудь подкладывать под локти. Возможно, книги. Желательно толстые. Трубадур со смехом рассказывал, что, когда эта мысль впервые пришла ему в голову, она заставила его оглянуться на полку с темновишневым частоколом Большой Советской Энциклопедии и подумать: «А вот хрен тебе!»

Со временем жители городка, предпочитавшие проводить время за столиками на променаде, привыкли к назойливому старикану. Они не ругались всерьез, а только поругивались, соблюдая сложившийся ритуал завсегдаев. Официанты ненавязчиво урезонивали особо расшумевшихся «приблудных», обращая внимание публики на поляка скорее как на местную достопримечательность. Так, постепенно, испод-

воль, вчерашние объекты изучения сами превратились в зрителей и в этой метаморфозе обрели успокоение и пристойный аппетит. Поляк же нисколько не переменялся и продолжал жизнь затворника, регулярно изучая наши гастрономические пристрастия. Приятель Трубадура, заезжий пражанин, предлагал на паях выкупить какую-нибудь прибрежную кафешку, «столов на пять-шесть», и назвать ее «Под польским взглядом», – чехи обожают такие вот «ситуационные» названия. Мы вроде бы обо всем договорились, но так и не смогли определиться с паями. То есть, договорились обо всем, кроме главного.

Множество гениальных идей остается за пределами человеческого опыта не по причине отсутствия денег, а от нежелания вкладывать свои.

Однажды ветер развернул польское судно так близко к террасе Трубадура, что толстяк – руки в карманах, спина к мачте, бинокль на шнуре на пузе, – явил ему несвежее тело между сползшим с талии брючным ремнем и вязаной резинкой свитера. Трубадур решил созорничать и, добыв из комода раздвижную подзорную трубу, принялся, не скрываясь, изучать старика. Ничего интригующего он не увидел, разве что полуоторванную эмблему «Пол энд Шарк» на левом свалвшемся шерстяном рукаве.

«Сильно потрепанная, но “фирма”. Может, на бирже мужику не повезло, может, наоборот – повезло... на чьей-то оставленной без присмотра лодке. Как бы там ни было, не

мое это дело», – трезво рассудил Трубадур.

Кстати, насчет бинокля он оказался прав – и вмятины на нем обнаружили, и отливающие латунию потертости. Антиквариат. Такому не грех позавидовать. В какой-то момент показалось, что поляк почувствовал на себе взгляд и вот-вот повернется. Трубадур ловко скрыл трубу за спину и аккуратно ретировался с террасы.

Много лет назад он и сам оказался объектом пристального изучения. Та давнишняя история по-прежнему вызывала у него неоднозначные чувства, хотя мне, по правде сказать, она кажется исключительно забавной. Возможно, по той причине, что Трубадур мне не все рассказал. С этим ничего не поделать, расскажу только то, что услышал.

Глава девятая

Трубадур бодрым шагом отмерил четверть пешеходной дорожки. В этом месте перила моста флюсом выдавались наружу, образуя нависающий над рекой карман. «Какой милый балкончик. Странно, что раньше никогда не замечал», – подумал он и встал там – юный, веселый, обнаженный. Из всей одежды только носки и кеды. Носки мутного цвета, хэбэшные, зато кеды на зависть – настоящая пара китайских «Два мяча».

Был сентябрь с его последними светлыми, но уже прохладными вечерами. Народ исправно перемещался с правого берега на левый, то есть с работы домой. За редкими исключениями, движение пешеходов было в общем и целом односторонним. Автомобили и автобусы проезжали в обоих направлениях, однако за плотным стальным узором высоких решетчатых ферм Трубадура практически не было видно. Точнее сказать, недостаточно видно, чтобы привлечь внимание пассажиров. Сюрприз был рассчитан на пешеходов.

Степенные граждане, проходившие мимо Трубадура, сильно смущались и куда больше, чем он сам, предпочли бы обзавестись шапками-невидимками, чтобы остаться незамеченными. Женщины сбивались с шага и хмурили брови, неуместно сосредотачиваясь, как при обнаружении ошибки в бухгалтерском отчете. Мужчины, будто по команде, впер-

вые замечали, что у них на руке есть часы, и они – быть того не может! – ходят. Или не ходят? Умный человек придумал носить часы на левой руке, очень удобно подносить их резким движением к правому уху, и Трубадур, находившийся справа, тут же оказывался вне поля зрения. Вполне, надо сказать, естественный жест, если не наблюдать его повторение каждые десять секунд. Даже звучавшие время от времени вроде бы произвольные, ни к кому конкретно не обращенные высказывания, – «Черт-те что делается...» или, к примеру, «Дожили...» – не способны были развеять тягостное однообразие происходящего.

«Откуда столько рутины и ханженства? Где же ваши творческие находки, товарищи?» – мысленно раззадоривал Трубадур прохожих.

И раззадорил.

Заметно вспотевший полноватый мужчина средних лет замедлил шаг и прошептал скороговоркой, будто сам в этот момент совершал что-то не одобряемое обществом:

– Молодой человек, не смейте провоцировать! Это недостойно. Вы не имеете право так поступать.

Описывая мне того памятного гражданина – зализанную бриолином прическу, подсвеченные румянцем росинки пота, – Трубадур в свойственной ему манере озадачился:

– Ведь и подумать не мог, что он голубой, в голову такое не могло прийти. А сейчас – на каждом шагу они... Теснят пацаны небесной масти нашего брата, что твои вахабиты по-

борников традиционного ислама. Успешно теснят. Вот скажи мне – где пряталась в то время вся эта армия? Не вчера же они, ну это. Не знаю, как и назвать. Ты только вслушайся: Господа! Наконец-то демократия открыла нам путь к жопе! А тем, кто топчет традиционную тропу, одна дорога – в пи... Ну, в общем, ты понял. Чертов глоток свободы! Чего-то нам всем в него подмешали.

Вторым по популярности предметом после наручных часов, позволявшим гражданам мотивировано отвлечься от созерцания голого тела, были носовые платки. К их помощи, посчитал Трубадур, прибегал, в среднем, каждый шестой пешеход. Никогда раньше сентябрь не приносил в этот город таких масштабных проблем с насморком. Чистенькая, опрятная старушка тоже заученным движением извлекла из рукава кофточкой платок, но к лицу подносить передумала – лишь погрозила Трубадуру зажатой в руке голубой тряпицей. При этом глаза ее, так ему показалось, оставались улыбочивыми и добрыми.

Понятно, что забавнее всего на Трубадура реагировали девицы. Кое-кто покусывал губы, чтобы не рассмеяться в голос, полагая неловким откровенное проявление чувств в публичном месте. Голого Трубадура искренне развлекло это умозаключение. У других лица были такими, словно к Трубадуру приценивались. Иные и вовсе недвусмысленно постреливали в его сторону озорными, охочими до приключений глазками.

В тех случаях, когда рядом с девицами не было кавалеров – те вели себя как «степенные», повторяя аттракцион с ча-сами или платком, – Трубадур им подмигивал, а то и баловал позами античных атлетов. На его взгляд, это должно было привнести в картину происходящего оттенок музейного целомудрия.

Надеюсь, что этот абзац мой товарищ не прочтет, пропустит по невнимательности. В общем, скорее всего, «ожившие статуи» в его исполнении представляли собой чудовищные пародии, сплошное недоразумение. Он и сам говорил, что его физическая форма тогда оставляла желать лучшего:

– Господь не был скуп, когда надо мной трудился, но и не расщедрился. Не обидел и не одарил. Среднестатистический, скажем так, дизайн. Кто знает, может у них там на вер-ху тоже есть нормативы. Прохлада вечерняя тоже играла не на моей стороне. Холод – враг стати, если ты не снеговик, слепленный извращенцем.

Потом появилась женщина лет сорока. Она издали ода-рила Трубадура вдумчивым, внимательным взглядом и, по-видимому, пришла к выводу, что налицо явная угроза мо-рали и нравственности. Однако, как стало ясно чуть позже, «угрожал» юноша, по ее разумению, отчего-то не всем: мет-ра за три до входа на женщина принялась бойко сортиро-вать не очень густой поток прохожих по какой-то одной ей известной методике. Сомневаюсь, чтобы много людей в на-шей стране в те далекие годы знали, что такое «фейс кон-

троль», не уверен даже, что и на своей исторической родине это слово уже вошло в обиход и стало привычным, но из наблюдений Трубадура за действиями самозванной распорядительницы явствовало определенно – «любительщиной» там и не пахло.

Те пешеходы, которым женщина милостиво не препятствовала продолжать путь по стороне, облюбованной «хулиганом», действительно ее не подводили. Они быстро преодолевали опасный участок, уставившись себе под ноги. Осмелся Трубадур встать у них непосредственно на пути, взяли бы его молча за плечи, не поднимая глаз выше щиколоток смутьяна, и освободили бы проход. Тоже молча. Фантазия мне подсказывает, что примерно так профессиональные галеристы переставляют вдоль стен картины, выбраковывая те, что не подходят под настрой и характер будущей экспозиции. Сдержанно, без лишних эмоций. В конце концов, содержание каждого полотна давно изучено до мелочей. Скорее всего, аналогия не очень уместная, вот и приятель мой в тот момент думал иначе. Эту безразличную публику он определил для себя как «сектантов». Ему претило их нарочитое невнимание.

– Возможно, в детстве ты испытывал дефицит заботы, – позволил себе поумничать я, слушая эту историю.

– Или в юности – мозгов, – парировал он и шутливо отгородился ладонями. – Все! Молчи! Разделяю твои опасения – как был дефицит, так и остался. Есть один-единствен-

ный способ подтвердить или опровергнуть гипотезу, но нужен мост. Ни одного подходящего на Майорке мы не найдем. За это ручаюсь.

Иногда Трубадур изъясняется непривычно изыскано и без мата. Его руки, особенно длинные тонкие пальцы, выразительно дополняют речь. Внешне он в этот момент тоже преобразуется, становится вальяжным и ироничным. В такие минуты я начинаю невольно подозревать, что «король Филипп» видит и подмечает больше моего. Не так уж безосновательна его отцовская паранойя.

– Конечно, я был бы рад облегчить «сектантам» жизнь, – продолжал Трубадур свою историю. – Например, повернуться к ним спиной, зайти, наконец, в карман, придуманный для мусорной урны и идиота, которого ты знаешь. Сам посуди: меня по-прежнему было бы видно, но вид этот стал бы куда менее вызывающим. Увы... В этом случае я безнадежно проигрывал спор. Таковы были правила: мне не дозволялось заговаривать с прохожими, но и стесняться их я не смел. Такая, брат, незадача.

...Не прошедшим визуальный отбор женщина-активистка преграждала путь. Она вытягивала перед собой руку с сумочкой и тут же отводила ее вправо, указывая пешеходу единственно возможное направление. Небольшой черный ридикюль на короткой ручке превращал ее руку из обычного указателя в натуральный шлагбаум с грузом. Только груз, если не считать таковым саму женщину, что по мнению Тру-

бадура, было бы крайне неуважительно, оказался не на том конце. Эта деталь, неведомо по каким причинам бросившаяся ему в глаза, ускользала от внимания прочих граждан. Она не развеивала иллюзию, люди принимали утяжеленную сумочкой женскую руку за полный запрет прохода и останавливались.

Вопросов женщине не задавали, спорить с ней никто не пытался, – Трубадур бы услышал. Какие слова она сама говорила остановившимся, до его слуха не долетало, – женщина стояла спиной к Трубадуру, но он мог бы поклясться, что текст был коротким, убедительным, однообразным и без импровизаций, то есть повторяющимся. Начинался он, и это понятно, с обращения «Граждане!», а заканчивался, вероятнее всего, призывом: «Проходите, не задерживайтесь!» Середины, собственно, могло и не быть.

Как бы там ни было, но народ, потоптавшись на месте, на манер потерявших след милицейских собак, вдруг обретал новую цель и резво устремлялся к противоположному тротуару. Мост был достаточно широк и, как уже говорилось, вздымал к небосводу высокие ажурные фермы, отделяющие проезжую часть от переходных дорожек, так что с противоположной стороны Трубадура почти совсем не было видно. Он поддерживал собственный дух тем, что жалел этих людей: «Вот и не будет вам теперь, несчастным, о чем за ужином поболтать. Опять о работе придется, о родственниках... Тоска...»

Иногда появлялись «неправильные» пешеходы, то есть пришедшие с другой стороны реки, с дальнего, так сказать, берега. Не прибегая ни к ухищрениям «сектантов», ни к каким-либо другим уловкам, они вообще не обращали на Трубадура ни малейшего внимания. Этот феномен был ему странен и непонятен, разве что у тех, с того берега, отсутствовали часы с носовыми платками, причем у всех подряд, но это вряд ли. «Неправильные» пешеходы шагали как заводные, пока не приближались к спине женщины-шлагбаума, где без всяких указаний, вообще без каких-либо видимых причин, не огибали ее, что было бы проще и логичнее, а, как и встречные, переходили на противоположную сторону. Возникавшее в результате нерегулируемое перекрестное движение было единственным, на взгляд Трубадура, недочетом в действиях общественницы.

Суд водителей оказался строже. Машины, автобусы запрудили и мост, подъезд в нему и голосили клаксонами кто во что горазд. Активистка возвысила голос и Трубадур стал отчетливо разбирать каждое ее слово. «Либо в ее горло встроен мегафон, либо шесть жизней подряд она состояла на службе массовиком-затейником и еще лет эдак «надцать» прапорщиком в стройбате», – поразился он прорвавшейся мощи.

– Товарищи шоферы, проявите гражданскую сознательность! Уважайте пешеходов! Они заслуживают лучшего!
Скрытый от понимания смысл ее последней фразы не мог

не повергнуть в смятение автовладельцев и просто людей за рулем. Тех, кто ее услышал. Трубадур принял сказанное на свой счет и признал, что при всем иезуитском старании не сумел бы так походя и изящно унижить. Поистине незаурядная женщина.

– Мост может рухнуть! – бросил кто-то находчивый в автомобильный затор.

– А у меня маршрут! – вывесил из распахнутой двери дорожное тело водитель автобуса.

– А у меня люди! – парировала активистка. – Проявите сознательность!

Сознательность водителя автобуса тут же и проявилось – даже небо зарделось пурпурным. Впрочем, двери в салон он все же открыл, запитав улицу свежей порцией разных эмоций. Сам же покинул кабину уже целиком и привалился спиной к тупой морде автобуса, словно у отца поддержку искал. Активистка не умела читать по губам, но поглядывала в его сторону опасливо. Судя по тому, что машины по одной стали разворачиваться, и новых не прибывало – где-то там в конце моста свой неравнодушный принялся перенаправлять транспорт на новый мост, в объезд. Мост тоже стал разгружаться в результате стихийно сложившейся формуле: пять-шесть человек перешли дорогу – пять-шесть машин проехали.

– Случись ей вот так же действовать в Москве... скажем, на Большом Каменном, в дни народных гуляний, то при столкновении двух потоков наверняка возникли бы затор и

сумятица, – разъяснил Трубадур причину возникшей тогда обеспокоенности. При этом посмаковал на языке последнее слово – «сумятица», так оно ему понравилось. – Это свидетельствует о чем? Правильно: захолустье больше склонно к самоорганизации, чем мегаполисы. Уповать следует на захолустья. Вот такая почти революционная мысль, и уж точно крамола сложилась в моей голове, посаженной на голое тело.

...Трубадур вновь посмотрел на женщину, и ему вдруг пришло в голову: «Может, она и в Москве-то никогда не была?» В общем, недоработку решено было не замечать: «Здорово все же, что такие люди встречаются в небольших городах» В Москве своих регулировщиков пруд пруди...»

Город действительно был мал. Городок. По другому его жители между собой и не называли. Несколько районов по обе стороны реки да мост, будто подарок роскошного Ленинграда российской глубинке, как ни посмотри – главная достопримечательность. Был еще один мост – новый, невзрачный, по нему можно было только спешить, и горожане его не любили. Добираться до него оказывалось тоже не с руки. Видимо, когда проектировали, был один план развития города, потом планы поменяли, а мост уже сдан... На новом мосту Трубадур ни за что не встал бы – не тот уровень.

На одном берегу реки – исторический центр, городские власти, два института, чуть дальше – фабрики, заводы. На другом – новостройки жилых кварталов, общежития, конторы всяческие, разнокалиберные учреждения, не претендую-

щие, по собственной незначительности, ни на бывшую дворянскую, ни даже на мещанскую малоэтажность. Несмотря на это, жилье конторским всегда выделяли «через речку», то есть рядом с высоким начальством. Вряд ли во всем этом таился глубокий смысл или стратегический замысел. С другой стороны, кто знает, какой только дичью не занимались в те стародавние времена бесчисленные НИИ. Может, и защитил какой достойный муж диссертацию по теме «Дополнительная мотивация административной активности путем приближения к ж... руководителей». Имея ввиду жилищные условия, разумеется. Было такое, не было, только сложилось, можно сказать, исторически, что на одну сторону реки перебирались в конце дня фабрично-заводские рабочие и студенты, а на другую – мелкой и средней руки служащие. Именно они, задержавшиеся на службе, и стали в тот день теми самыми – редкими «неправильными».

– Видишь, что получается. – Трубадур заострил мое внимание постукиванием костяшками пальцев по опустевшему бокалу. – Выходило, что большинству работяг, о студентах не говорю, я был худо-бедно интересен. Любопытен, по меньшей мере. А вот представители чиновного сословия нарочито демонстрировали мне неодобрительное безразличие, граничащее с отвращением. Твари.

Не самое большое открытие. Все мы с раннего детства догадываемся, нет – чувствуем, интуитивно ощущаем, что безразличны мы этим людям с самого своего рождения. Позже,

когда взрослеем, обязательно подворачивается оказия убедиться, что не только безразличны, а еще и мешаем. Однако факт остается фактом: из всех моих знакомых только Трубадур проверил на себе эту неутешительную закономерность столь экзотическим образом.

Спорные мысли и ясные умозаключения посетили Трубадура, само собой, значительно позже. Там, на мосту, несмотря на все шутовские выходки, ему стало нервно и холодно. Он держался из последних сил, чтобы достоять положенные спором тридцать минут. Трубадур не мог позволить себе проигрыш – это означало двадцатипятирублевый штраф, и он точно знал, на что потратит выигрыш.

К слову сказать, эксгибиционистам не может быть свойственна алчность, поскольку сам акт обнажения по-своему олицетворяет щедрость. Трубадур с удовольствием думал об этом. Ему, как и всем нам, не жадным, просто нужны были деньги. Еще он переживал, что в милиции наверняка не слышали слова «эксгибиционист», а перспектива прослыть «пидором», как метили все непонятное, замещая большое количество разных слов, – его вовсе не привлекала. Если честно, то милиции он боялся.

Несколько лет спустя Трубадур будет сидеть напротив крупной женщины с тяжелым, хотя и не лишенным приятности лицом. Ее густые, с легкой проседью волосы подчеркнуту опрятно окажутся собраны в тугую косу и скручены на затылке канатной бухтой. Небольшой такой бухточкой. На

темной ткани платья, в просветах белоснежного кружевного воротника, размерам которого позавидовали бы королевские мушкетеры, а тонкости кружева – сам король, будут угадываться едва различимые следы перхоти. Проситель попытается их сосчитать, гадая: четное – повезет, нечетное – нет. Впрочем, без счета он уже знал, что их четыре, тем не менее будет готов к тому, что вот-вот женщина поднимет на него ясный пронзительный взгляд и, экономя слова, молча укажет рукой на дверь: «Вам туда, на выход». И потопает покорный судьбе Трубадур восвояси без всякого загранпаспорта.

Женщина будет внимательно изучать какие-то бумаги, наверное, его, Трубадура, поскольку уголки ее губ будут то резко опускаться, то медленно подниматься. Зато брови замрут в верхнем положении, выдавая живой, почти что человеческий интерес, абсолютно не свойственный сотрудникам ОВИРОВ, отделов кадров и ЖЭКов. Потому что он, этот интерес, искореняется в них по специальным методикам, наверняка совершенно секретным. Однажды Трубадур придумал для этих людей особый термин: «Человек безучастный».

«Интересно, а как у них с вкусовыми ощущениями? – придет ему в голову мысль. – Ведь для них всё, по идее, должно отдавать бумагой и фиолетовым чернильным карандашом!»

Тем не менее, наблюдая за хозяйкой кабинета, Трубадур не покривит душой и признает, что какие-то шансы, по край-

ней мере, надежда у него все-таки есть.

Он будет сидеть на жестком стуле, плотно сжав колени и придавив их сверху ладонями, чтобы не разъезжались. Шевелиться на стуле покажется ему опасным. «Наверное, там же, где из человекoв вытравливают человечность, специально обученные люди раскачивают новые стулья так, чтобы скрипели при малейшем движении. Вот бы на такую работенку устроиться», – будет лезть в голову всякая чушь.

От нечего делать, Трубадур станет внимательно рассматривать аккуратно разложенные по плечам своей визави белоснежные узоры, поражаясь невероятным хитросплетениям нитей и отсутствию острых углов.

«Если не сами кружева, то уж точно – кружевные воротники в особо крупных размерах наверняка специально изобрели для кадровиков, директоров школ и других ответственных работников женского пола, – посетит его еще одна дурацкая мысль. – Чтобы притуплять бдительность несознательного элемента, такого, как я».

(Смешно сказать, но через несколько лет жизнь подтвердит его догадку самым неожиданным образом: чем самозабвеннее властные женщины новой России станут клясться в верности идеалам демократии, тем больше будут надевать на себя кружев и прочего гипюра. И это им сильно поможет. Школа...)

– Приводы в милицию были? – спросит женщина, как и полагается, застав Трубадура врасплох.

– Наоборот, – ответит тот машинально и, по странному стечению обстоятельств, честно. Относительно честно.

Трубадура и впрямь не приводили в милицию в физическом смысле этого слова. Если излагать события формально и педантично, то это ее – милицию – привели к нему буквально секунда в секунду к окончанию получаса, отведенного участниками пари для «шоу на мосту».

Сначала рядом с женщиной-активисткой замаячил один милиционер. Он что-то коротко с ней обсудил и привычно громко, командным голосом призвал:

– Граждане, не толпитесь! Разойдитесь уже по домам!

На самом деле никто не проявлял склонности «толпиться», если вообще уместно так говорить в отношении нецелого десятка прохожих.

Время пари уже истекло, только вот деваться Трубадуру было некуда. Друзья, одежда – все осталось на том берегу, где уже всюю распорядился человек в форме. Бежать на другую сторону реки, в распростертые несимметричные объятия дедушки Ленина не было смысла и вообще пахло политикой.

Минутой позже вдалеке заистерила милицейская сирена.

Когда темно-синий УАЗ влетел на мост, громохочья подвеской и разбрызгивая тревожные красно-синие сполохи, Трубадур – не спрашивайте, почему, он и сегодня не объяснит – мельком глянул вниз и, не дожидаясь, пока увиденное отзовется в мозгу недвусмысленным предостережением, пере-

махнул через перила. С воплем «Идио-о-о-о-т!» он довольно быстро долетел до глубокой и черной воды.

– Так что еще в те дремучие годы, – Трубадур отлично знает, что выглядит моложе большинства своих сверстников, и не упускает случая слегка пококетничать, – у меня появился собственный, проверенный рецепт совершения отчаянных поступков.

Лектор выдержал недолгую паузу, давая аудитории, то есть мне, восхититься услышанным, и продолжил:

– Всего-то и нужно, что притормозить увиденное или услышанное на пути к тому месту внутри головы, где происходят толкования и оценки. Вот в этой самой короткой паузе и следует действовать. Причем действовать незамедлительно. Все окружающие уже понимают, что происходит, а сам ты еще нет. Попробуй на досуге, понравится.

Иногда Трубадур не в меру самодоволен. На сей раз я не стал огорчать его и высказывать сомнение по поводу уникальности его «ноу- хау», хотя до нашей с ним встречи сам претендовал на почетное авторство. И не без причин. Похожим образом я поступил не на тот факультет, где меня уже ждали заботливые друзья родителей. Потом – все так же экспромтом – очутился в армии. Женился, наконец... Если этих свидетельств недостаточно, могу припомнить сочинение в восьмом классе на тему «В жизни всегда есть место подвигу». Место я, к своему стыду, не нашел: видимо, воспринял задачу слишком лично, для себя искал. Взамен описал ход

поиска – в булочной, в трамвае. И заключил сочинение выводом, что в нормальной жизни места подвигу нет, он не нужен. Вся школа неделю сходила с ума, дома атмосфера тоже была перегретой. Меня даже показывали детскому психологу. Тот на скорую обстучал молоточком мои колени и успокоил родителей:

– Порядок, не тревожьтесь, перерастет, жизнь подправит. Школу его благодушие не убедило.

Тогда я вошел учительскую с дымящейся сигаретой во рту. «Незрелое» сочинение выдуло из школьных тем будто сквозняком в форточку. Странно, могли бы играючи увязать оба факта. Возможно и увязали, но по счастью какие-то люди в школьном начальстве на уровне города решили вывести нашу школу в образцовые, а в образцовой школе каждый ученик – образец. Даже если он «фрондер» и «хулиган».

За долгую практику я едва ли не до совершенства отточил рано обнаруженную в себе способность совершать безумства. «Короткие паузы», если воспользоваться терминологией Трубадура, год от года становились все длиннее, а последняя и вовсе не желает заканчиваться, растянулась, мерзавка, до бесконечности. Может быть, все дело в той части головы, где – опять же по Трубадуру – происходят оценки и толкования? Должны были бы происходить... Ясно одно: все давно обо мне всё понимают и знают, только для себя самого я по-прежнему остаюсь загадкой. Даже название сочинил для этого странного состояния: «Синдром уснувшей мартышки

с гранатой».

...На поверхность Трубадур вынырнул со сломанной ключицей. То ли неудачно в воду вошел, то ли проплывало что-то не к месту. Он лег на спину и, подвывая от боли и тоски, подчинился произволу течения.

Его, разумеется, спасли, а по случаю так не по-товарищески приложили головой о борт милицейского катера, что Трубадур тут же все и забыл: про спор, про мост, про ефрейтора, который долбанул его со всей силы о выступ над ватерлинией, потом добавил кулаком по скуле и расплылся при этом в счастливой улыбке. Не просто спасатель – спаситель, можно сказать, во всех отношениях. Сотрясение мозга, полученное по вине органов правопорядка (видимо, сильно не любили в отделении ефрейтора, раз всплыло словечко «вина»), чудесным образом, при участии отца и прокурора-кудесника, превратило «хулиганский поступок комсомольца» в «падение с моста в результате несчастного случая».

Случится же такое: идет себе по мосту студент-комсомолец, ничего вокруг не замечает, весь в думах по поводу учебы, а тут сзади неожиданно раздается резкий автомобильный гудок! Сильно пугается комсомолец. Резко и высоко, что особенно важно для протокола, отпрыгивает в сторону и не понимает, что нет уже ни моста под ногами, ни перил под рукой. Жаль только, «регистрационный номер автотранспортного средства, нарушившего правила подачи звуковых сигналов в черте города, не установлен». Ай-ай-ай. А ведь мог-

ли бы установить и примерно наказать. Недоработочка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.